

● После фильмов «Парад планет» и «Такси-блюз» актер Петр Зайченко стал знаменит, а лента «Крапачук» утвердила его как звезду мирового класса.

● Евгений Леонов в роли американского миллионера, конечно же, порадует многих любителей комедийного жанра.

● Западу главным образом интересен фон, на котором развиваются события наших фильмов.

ГОСТИ

*Рос. ш. - 1993 -  
19 авг. - с. 8*

## Долгая дорога в Пражевицу



Иностранцем в Париже быть, оказывается, не всегда увлекательно. Особенно нашему брату славянину. Иногда прогулка по самому красивому городу мира оборачивается пустыми карманами и чемоданами, отсутствием не только паспорта, но и ночлега...

В такую ситуацию попали два героя фильма французского режиссера Эрике Габриэля «Крапачук», выходящий из далекой и загадочной Пражевицы. Она вроде где-то между Венгрией и Югославией, но где точно — не скажут ни в во французском МИД, ни в ООН. Нет этого государства на карте Европы, сегодня больше смахивающей на лоскутное одеяло. Значит, и эмигрантов как бы нет. Но вот же они, гордо и самозабвенно исполняющие пражевийский гимн. Конечно, по-пражевицки... На этой смеси всех знакомых языков и общается в фильме блистательная парабельгийка Ги Пион и наш Петр Зайченко (у его героя, кстати, замечательное имя — Человек).

Эту ироничную и тонкую ленту, уже собравшую солидный урожай призов, скоро увидят и наши зрители.

Но не столь, оказывается, удивителен бурный успех первой самостоятельной ленты 35-летнего режиссера, уроженца Буэнос-Айреса, ныне проживающего одновременно в Париже и Мадриде. Во-первых, идею он вынашивал четыре года, во-вторых, кинематографическое образование получил на съемочной площадке — двадцать пять фильмов сделано им в Аргентине как вторым режиссером. А для нас, естественно, интересно, что бабушка и дедушка Эрике — русские.. И говорит он по-русски прекрасно.

— Эрике, что такое Крапачук?

— Это горы в Пражевице. Их, впрочем, нет — так же, как и самой страны...

— И все-таки ваши герои из Восточной Европы именно славяне?

— Я это почувствовал, когда писал сценарий. Не знаю почему. Может быть, потому что через бабушку и дедушку мне очень близка русская культура, история... Но в 85-м году, когда я собирался снимать картину, ни один продюсер не желал вкладывать свои деньги в этот проект. Восточные дела не были тогда в моде. Пришлось ждать до 1989 года — когда буквально все продюсеры бросились делать фильмы о событиях в Восточной Европе. Вообще, труднее всего было организовать, найти деньги. И хотя история наша происходит в Париже, лишь одного продюсера я нашел во Франции. Другого — в Испании, а третьего — в Бельгии.

Конечно, пришлось немало переписывать сценарий, вводить актуальные политические шутки, потому что ситуация в Европе бурно менялась. А вообще, это и моя собственная история — шестнадцать лет я жил в Аргентине, затем Испания, Франция. Такая смесь латиноамериканской, европейской и русской культуры. Все вместе. И трудно делать выбор. Даже дома. Я никогда не буду чувствовать себя спокойно на одном месте...

— Актуальна ли эта история сейчас?

— У нас, на Западе, в Европе много эмигрантов — восточных, а также из Африки, Азии, Южной Америки... Появилась ксенофобия — навязчивый страх перед неизвестными лицами, ненависть, нетерпимость к чужому. Причем не только во Франции, Германии и в Испании. Там, где сами жители — стабильные эмигранты. Но сегодня, когда в Испанию едут южноамериканцы, негры или марокканцы, их встречает ярое неприятие испанцев...

— Вы не боитесь упреков в космополитизме или, нао-

борот, в национализме?

— Ни в том, ни в другом. Мне не важна политика. Она — для человека, а не наоборот. Важно человеческое счастье. Некоторые мне говорят: как жаль, твой фильм лишь в первой части политическая комедия, а потом он развивается в меланхолическую философскую драму. Но я доволен таким симбиозом. Это моя ностальгия по стране, которая не существует. Ведь сегодня ситуации отторжения людей от действительности не смешные, а куда более жестокие, чем показано в фильме.

— Тем не менее вы явно симпатизируете своим неудачливым героям?

— Иначе нельзя. Я не могу быть против персонажа. И ненавижу фильмы, книги, в которых не чувствуется любви автора к своему герою. У Достоевского вы можете встретить страшных людей, но он всегда пишет с глубоким сочувствием.

— Эрике, а как вы оцениваете работу Петра Зайченко?

— Его я увидел в фильме «Такси-блюз» и сказал себе: мне нужен этот актер. Добыл номер его телефона, позвонил — и он приехал в Париж, правда, как турист.

Петр — человек очень специфической тонкий, с большой культурой. Замечательный, необыкновенный актер. И с Ги Пионом у них получился прекрасный дуэт. Не понимаю, почему его так мало снимают у вас...

Вообще — русские актеры, на мой взгляд, лучшие актеры на свете. А видел я немало ваших фильмов. Люблю — «Андрей Рублев» Тарковского и ранний Михалков.

— И в заключение — какой вам показалась вблизи родина предков?

— Я первый раз в России. И я понял: хаос — ваша нормальная среда. Мне это нравится. Главное — здесь жить интересно. И русские теперь открыты для меня так, как мило говорила моя бабушка: сердце мое, ласточка моя...

Наталья БОБРОВА.  
Фото Галины КМИТ.